

УДК: 629.3 (575.2) (04)

Д.Д. Мукамбетов

ГЕОСОФСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОР В САМОСОЗНАНИИ КЫРГЫЗОВ

Д.Д. Мукамбетов

КЫРГЫЗДАРДЫН АҢ-СЕЗИМИНДЕ ТООЛОРДУН ГЕОСОФИЯЛЫК МААНИСИ

D.D. Mukambetov

THE GEOSOPHICAL SIGNIFICANCE OF MOUNTAINS IN KYRGYZ SELF-AWARENESS

Аннотация. В статье представлено геософское осмысление значения гор в самосознании кыргызского народа, где сакральная география гор обеспечивала поддержание этнокультурного самосознания кыргызов, метафизическую связь времен и способствовала духовному транзиту памяти через эпические предания. Затем исследование фиксирует широкое и многоукладное влияние горной среды, нашедшее отражение в мифологических преданиях, философском наследии акынов-заманистов, творчестве Айтматова, а также семантически воплотилось в этнониме «кыргыз», где «кыр» значит «гора», «вершина» или «возвышенность», а «гыз», согласно многочисленным интерпретационным позициям, понимается как народ. В результате этноним «кыргыз» осмысливается как «горный народ» или «горцы».

Основное внимание в статье посвящено глубокой и нерасторжимой духовной связи кыргызского народа с пространством гор Евразии, которая проливает свет на тайны этнокультурной традиции кыргызов. Среди прочего автором исследования представлен любопытный метафизический взгляд, раскрывающий геософское значение гор в сакральной географии Евразии, где горы Турана являются местом обитания божеств, концентрированной зоной присутствия сакральных традиций и территорией, где консервируется духовный опыт ушедших эпох.

Ключевые слова: геософия; горы; Евразия; самосознание; сакральная география; этноним «кыргыз»; предание; космическая среда.

Аннотация. Макалада тоолордун ыйык географиясы кыргыздардын этномаданий аң-сезимин, мезгилдин метафизикалык байланышын камсыз кылган жана эпикалык уламыштар аркылуу эс тутумдун руханий транзитине өбөлгө түзгөн кыргыз элинин аң-сезиминдеги тоолордун маанисин геософиялык түшүнүү берилген. Андан кийин изилдөө тоолуу чөйрөнүн мифологиялык таанууда, заманист акындардын философиялык мурасында, Айтматовдун чыгармачылыгында чагылдырылган, ошондой эле семантикалык жактан «кыргыз» этнониминде камтылган, бул жерде «кыр» «тоо», «чоку» же «бийиктик» жана «кыз» этнониминде чагылдырылган, бул көп сандаган чечмелөөчү позицияларга ылайык эл катары түшүнүлөт. Натыйжада «кыргыз» этноними «тоо эли» же «тоо эли» деп түшүнүлөт.

Эмгектин негизги багыты кыргыздардын этномаданий салтынын сырларына жарык чачкан кыргыз элинин Евразия тоолору мейкиндиги менен терең жана көөнөргүс руханий байланышына арналган. Туран тоолору кудайлардын жашаган жери, ыйык каада-салттардын топтолгон зонасы жана өткөн доорлордун руханий тажрыйбасы сакталган аймак болгон Евразиянын ыйык географиясындагы тоолордун геософиялык маанисин ачып берген кызыктуу метафизикалык көз карашты сунуштайт.

Ачкыч сөздөр: геософия; тоолор; Евразия; аң-сезим; ыйык география; «кыргыз» этноними; салт; космос чөйрөсү.

Abstract. The article presents a geosophical understanding of the importance of mountains in the self-consciousness of the Kyrgyz people, where the sacred geography of the mountains ensured the maintenance of ethnic and cultural self-awareness of the Kyrgyz, provided a metaphysical connection of times and promoted the spiritual transit of memory through epic traditions. The study then captures the wide and multifaceted influence of the mountainous environment, reflected in mythological

legends, the philosophical heritage of the Zaman Akyns, the work of Aitmatov, and also semantically embodied in the ethnonym "Kyrgyz", where "kyr" means "mountain", "peak" or "elevation" and "giz", which, according to numerous According to their interpretative positions, they are understood as a people. As a result, the ethnonym "Kyrgyz" is interpreted as "mountain people" or "mountain people".

The main focus of the work is devoted to the deep and indissoluble spiritual connection of the Kyrgyz people with the space of the mountains of Eurasia, which sheds light on the secrets of the ethnocultural tradition of the Kyrgyz. Among other things, the author of the study presents a curious metaphysical view that reveals the geosophical significance of mountains in the sacred geography of Eurasia, where the Turan mountains are the habitat of deities, a concentrated zone of sacred traditions and a territory where the spiritual experience of bygone eras is preserved.

Keywords: Geosophy; mountains; Eurasia; self-awareness; sacred geography; ethnonym "Kyrgyz"; legend; cosmic environment.

Сегодня сложно представить иную этническую группу в Евразии, помимо кыргызов, чья этногенетическая, духовная и общественно-политическая судьба настолько тесно не была бы привязана к сакральной географии гор. Кыргызы на протяжении веков находились в самом эпицентре, в самой гуще социально-политических пертурбаций и мировоззренческих сдвигов, испытав на себе всю беспощадную силу сурового ветра исторических перемен. Потому многовековое шествие кыргызского народа прошло под знаком драматической борьбы за свою духовную самобытность, за экзистенциальное право быть хранителями древних кочевых устоев и провозвещать нравоучительное воззвание ушедших эпох с горных вершин Турана.

Все эти драматические виражи и трагические испытания, нередко приводившие кыргызский народ на грань физической и духовной гибели, глубоко и многообразно отразились на родоплеменном составе и демографии кыргызского народа, национальном характере и комплексе социальных практик, развитых механизмах адаптации и стоической народной этики.

Весь этот уникальный социальный капитал был протерен многовековыми крестными путями, выстрадан в результате сурового социального отбора и неизменно был нацелен на поддержание духовной сопричастности кыргызов к первозданным истокам своей этнокультурной традиции путем духовного транзита тысячелетней памяти, где метафизическая связь времен поддерживалась сакральной энергетикой гор. У самого подножия небес тысячелетиями скрывались сверхчувственные истоки кыргызского самосознания.

Богатое наследие кыргызов, накопленное за более чем 2000-летний период и охватывающее широкий массив сведений, запечатленных в их безбрежной эпической

традиции, исторических хрониках и археологических находках, многозначительно отразилось в представлениях ученых в трактовках этнонима "кыргыз" и породило широкую россыпь научных представлений, исследовательских метаний и неутихающих по сей день жарких прений всех вовлеченных в эту тематическую область сторон.

Древность кыргызского народа, уходящая почти в легендарные эпохи, не работает сегодня на капитализацию какой-то конкретной идентичности, не способствует кристаллизации национальных программ развития вокруг одной системообразующей идеи, поскольку в этнониме «кыргыз» до сих не просвечен один доминирующий антропологический архетип, не проявлена одна генеральная линия большого повествования, внушавшая непротиворечивый спектр идейных смыслов и сюжетных ассоциаций, как это бывает с тюркскими, монгольскими, русскими или другими этнонимами Евразии, которые семантически сопряжены с их историческими моделями, культурными традициями и долгосрочными программами развития. Поскольку вся их этногенетическая и общественно-политическая реальность неукоснительно следовала метафизическому гештальту воина, жреца или труженика и проходила в комплементарной географической зоне.

Событийная инклюзивность и сюжетная вариативность кыргызской истории превышают дискурсивные рамки позитивистского взгляда на мир. Тайна кыргызского самосознания ускользает от естественно-научной оптики и тех подходов, которые инспирированы наработанными концептуальными схемами. Возможно, экзистенциальный корень всех этих проблемных ответвлений пребывает в принципиально иной семантической плоскости, в эпистемологической зоне метафизических и геософских значений, исходя из которых и следует прочитывать этимологическую основу этнонима «кыргыз».

Как было отмечено выше, наиболее колоритно эта смысловая разногласица обнаруживает себя в трактовках этнонима «кыргыз», разверстаных по самым разным тематическим сферам. На сегодняшний день существует не менее десятка наиболее общезначимых позиций в экспертной среде историков и этнографов, которые можно сгруппировать по следующим смысловым линиям.

Первая группа ученых связывает этноним «кыргыз» с полицентричным и многоукладным этническим составом кыргызского народа, который издревле занимал территории вдоль верхнего Енисея, в южной части Минусинской впадины, и формировался за счет включения самого широкого контингента племенных сообществ Евразии. По этой причине понятие «кыргыз» имело важную общественно-политическую функцию по собиранию и консолидации социального множества в единую духовную общность. В этом контексте интегральная емкость этнонима «кыргыз» обнаруживает самостоятельную социокультурную программу или корпус исторических задач, существующих поверх разнообразных устремлений этносоциальных групп, равно как имеющих самодовлеющее идейное содержание и автономное целевое назначение.

Этноним переходит в разряд идеонима. Отсюда древнетюркский термин «кырк» осмысливается этой группой исследователей не только как сорок, но экстенсивно расширяется до понятий «много» или «множество». В этом контексте известный тюрколог В. Радлов осмыслял понятие «кыргыз» как кырк + йус - кырк жүз (сорок сотен), а известный башкирский историк А. Тоган прочитывал этноним как кырк + эр – кырк киши (сорок человек). К этой семантической рубрике также примыкает мифологическая версия, имевшая широкое хождение в традиционную эпоху, где «кыргыз» редуцируется на два самостоятельных понятия «кырк-кыз» – «сорок девушек» и отображает полиэтническую легенду о возникновении кыргызов от сорока девушек.

Второй комплекс версий можно классифицировать по антропологическому признаку, где понятия «кыргын» или «кыргыт», согласно исследовательской позиции А. Кононова, отображают древнюю физиогномику сибирского кыргыза и осмысливаются востоковедом как светлолицый или голубоглазый народ, к этому смысловому ряду так-

же примыкают вариации Д. Айтмуратова, где прослеживается связь уже с Тянь-Шаньским историалом кыргызов и дается трактовка этнонима как кара + гыз – черноволосый народ.

Ну и третья, достаточно широко представленная, экспертная позиция улавливает в понятии «кыргыз» драматическую фабулу исторического становления кыргызского народа, где самосознание этноса издревле выковывалось сквозь горнило непрерывной борьбы за сохранение своего самобытного уклада. В этой эпистемологической оптике этноним «кыргыз» увязывается с терминами «кырылгыс», что значит «неистребимый», или «кыргыч», что обозначает борьбу или схватку, согласно ученому А. Омуркулову.

На наш взгляд, наиболее емкой трактовкой этнонима «кыргыз», которая включает в себя и исчерпывает все семантические вариации, равно как и научные трактовки этого понятия, является та, которая осмысляет глубинные основания этнического самосознания через месторазвитие. В этой связи трактовка этнонима «кыргыз» опирается на «кыр», что значит «гора», «вершина» или «возвышенность», и «гыз», что, согласно многочисленным интерпретационным позициям, приведенным выше, понимается как народ. В результате этноним «кыргыз» осмысливается как «горный народ» или «горцы».

Исходя из ретроспективного обозрения многовековой судьбы этноса, именно фундаментальная сопряженность кыргызского народа с сакральной географией гор является стержневой и системообразующей константой, пронесенной сквозь всю палитру исторических переменных. Поскольку сквозь весь более чем двухтысячелетний историал кыргызов широкий комплекс этносоциальных характеристик претерпевал значительную модификацию или вовсе подвергался устранению в силу утраты конвергентности в новоявленных социоприродных и культурно-конфессиональных средах.

Доподлинно известно, исходя из китайских, арабских и тюркоязычных источников, по сравнению с Тянь-Шаньским периодом истории енисейские кыргызы вплоть до X века н. э. имели ярко выраженную европеоидную наружность, характеризующуюся наличием рыжих волос и голубых глаз, а морфологическое строение тела отличалось статностью, что давало повод отдельным средневековым хронистам, например Ибн Мукаффе, считать кыргызов родственниками славян.

Енисейские кыргызы в отличие от большинства средневековых кочевников Восточной Евразии имели развитые традиции градостроительства, различавшиеся по функциональному назначению и этническому составу проживания социальных общин. Только на территории Минусинской котловины было обнаружено несколько городищ и крепостей, как «Уйбатское городище», «Ербинский храмовый город», «Крепость Тарпиг», и т. д.

Комплексный формат хозяйства обеспечивался сочетанием земледелия, пастушеского и кочевого скотоводства, а также кыргызы широко практиковали охоту, рыбную ловлю, металлообработку¹, кузнечное и ювелирное дело, различные ремесла, резьбу по дереву, камню и сравнительно развитое декоративное искусство. Отдельного упоминания заслуживает самобытная письменная традиция, занимавшая важную роль в социокультурной действительности енисейских кыргызов и получившая название в исследовательской среде как орхоно-енисейская руническая письменность².

Уже в постмонгольскую эпоху в результате серии миграционных волн, охвативших во временном интервале несколько веков, кыргызы стали осваиваться и закрепляться на землях современного Кыргызстана, где сибирский этнический компонент стал доминирующим в формировании новой народности на Тянь-Шане. В этот период начинает складываться современный монголоидный антропотип кыргызов с преобладанием сакраментального кочевого уклада, просуществовавшего фактически в неизменном виде вплоть до присоединения к царской России.

Кыргызы Тянь-Шаня, сохранив свое древнее имя, тем не менее утратили внушительный комплекс характерных для сибирского периода этнических и деятельност-

ных характеристик, от градостроительных технологий до рунической письменности, поскольку в основание культурного уклада был положен синкретический тип ислама, глубоко пустившего корни в регионе с момента арабского завоевания Центральной Азии, а формат хозяйствования определялся отгонным скотоводством, что целиком субординировало все стороны бытия кыргызов – от сезонных типов поселения до декоративно-прикладного искусства, в совершенстве отвечавшего мобильному строю жизни непритязательногономада.

В ретроспективном рассмотрении можно резюмировать следующее: кыргызы в разные исторические периоды проживали на территории Восточного Тянь-Шаня, в пределах современного Синьцзяна, затем – в Минусинской котловине, после – на обширных территориях Саяно-Алтая, а на завершающей фазе социальных миграций кыргызский этнос прочно закрепился в пределах горных систем Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Тем не менее, невзирая на широкий географический охват расселения и ряд вынужденных миграций кыргызов в разные исторические эпохи, общим фундаментом, сберегающим примордиальные истоки кыргызского самосознания, сквозь временные эпохи и последовательно сменявшиеся друг друга пространственные локации, является сакральная география евразийских гор, обеспечивавшая этногенетическую и духовную преемственность в осуществлении высоких форматов жречества.

Для кыргызов геософское значение гор является конституирующим онтологическим истоком в определении их гносеологического статуса в мире. Любая познавательная стратегия, чтобы могла иметь шансы на успех, должна определяться имманентным спектром гносеологических сил и опираться

¹Стационарный формат хозяйства енисейских кыргызов обеспечивался за счет укрепленных поселений, где одним из наиболее престижных видов ремесел была обработка металлов. На Среднем Енисее найдено множество древних сооружений, свидетельствующих о металлургическом производстве для нужд воинов и земледельцев. Дальневосточные хронисты эпохи династии Тан отмечали, что железное оружие, изготовленное кузнецами, было столь остро, что могло пронзить кожу носорога, и пользовалось большим спросом на международном рынке. Китайские источники сообщают о высоком качестве кыргызского оружия, что позволяет предполагать его проникновение и на международный рынок.

²Письменная система включала в себя 38 знаков и покрывала разноплановый перечень потребностей от культово-символического до государственного делопроизводства в период Великодержавия кыргызов. Ареал ее распространения в вышеуказанный период охватывал Хакасию, Туву, Горный Алтай, Красноярский край, Монголию, Западный Тянь-Шань. Возвышение же монголоязычных этносов привело к сужению его влияния и утрате передовых общественно-политических позиций в мировоззренческом сопряжении этнокультурных укладов Евразии, также значительным фактором, способствовавшим вытеснению орхоно-енисейской рунической письменности из западных рубежей кочевой Евразии, стал возмраставший уровень влияния исламской культуры, начиная с эпохи Караханидов на фоне постепенной утраты енисейскими кыргызами доминирующей силы в макрорегионе.

на духовное назначение их культурной модели. Поскольку только с позиций месторазвития задается и очерчивается ключевой комплекс познавательных ориентаций народа как в сфере подбора научной методологии, так и в определении исследовательского круга задач.

Согласно Дугину, горы Турана являются местом обитания божеств, концентрированной зоной присутствия сакральных традиций и территорией, где консервируется духовный опыт ушедших эпох. В антропологическом плане горы Евразии являются наиболее комплементарной средой для шаманизма, жречества и философского умозрения вечных истин. В тиши горного поднебесья открывается провиденциальная летопись мира.

В зоне пересечения всех этих элементов создается этнокультурная традиция горских народов, где жреческий экстаз стяжает большое повествование, объективирует сакральную энергетику гор, а сам священный нарратив раскрывает последние тайны вселенского мироустройства, обнажает разумный замысел исторических изменений сквозь драматическое становление и борьбу идейных укладов. По этому метафизическому канону жречества организован и сюжетно построен эпос «Манас», этот духовный импульс воплотился в развитых традициях сакрального сказительства и породил неизбывное стремление к контемплативным смысловым далям в кыргызской душе.

Этот идейный принцип должен лечь в основание познавательной стратегии кыргызов к ушедшим эпохам. Этнополитический, социокультурный и общественно-психологический ракурс, которыми оперирует отечественная наука, в анализе исторических процессов должен быть обогащен историософским подходом, который повлечет качественное смещение от хронологического обзора сухих дат и сюжетно обезличенных событий к постижению исходных причин и раскрытию целевых горизонтов. Кыргызская историософия должна отвоевать место для подлинного субъекта истории – Бога.

С этой точки зрения кыргызский взгляд на историю должен исследовать территорию Евразии как сакральную географию, где осуществляется божественная стихия провидения, где сталкиваются различные этнокультурные традиции, религиозные представления и философские школы, где всякая реальная событийность в земном плане имеет свой духовный прототип в небесном.

В этой идейной оптике сфера эмпирически фиксируемых событий обнаруживает поступательное развертывание божественной сущности – служит акцидентальным символом субстанциальных свершений. Божественный логос проявляет себя сквозь этнические сообщества, утверждает свое присутствие в этническом самосознании и целокупно отражается в коллективном теле народа. Поэтому этносы – это не только функции божественного провидения, но полноправные субъекты исторического процесса, где опыт соработничества со сверхчувственными стихиями составляет событийную канву исторической драмы и содержательный предмет историософской герменевтики.

Историософский опыт, оперирующий категориями конечных целей и исторических пределов, должен в едином неразнимчатом воззрении охватить этнические сообщества и их исторические судьбы с позиций небесного предназначения, это позволит в одном случае выявить причины бурного этногенетического подъема, социокультурного расцвета и общественно-политической доминанции у одних народов, и сюжетные отклонения, гомеостатическое замирание и несвоевременный уход с исторической арены – у других. У каждого народа Евразии – свой историософский контекст, а полнота сюжетных линий может варьироваться в самом широком сценарном диапазоне, что прокладывает пути к автономным герменевтическим прочтениям их экзистенциального историала.

Для кыргызов вступить в чертоги гео-софского взгляда на мир – это все равно, что получить адекватную смысловую оптику на собственный Dasein, встать в позицию аутентичного экзистирования духом, мыслью и собственным методом, научиться понимать себя в историческом потоке явлений, суметь отвоевать свой формообразующий хронотоп в бессвязной веренице событийного нагромождения.

Кыргызская душа, веками охваченная и ангажированная метафизическим строем эпоса «Манас», не отзывается на сухие, выхолощенные модели исторических описаний, а всякий концептуальный дискурс, не включающий в себя онтологический корпус прочтений, обречен на дефицит духовной эмпатии и на обездоленность общественным вниманием. Только с позиций историософского метода можно заглянуть в глубь кыргызского самосознания, совлечь покровы с эпического наследия и преодолеть экзистенциальное

отчуждение между областью желаемого и сферой должностования. Историософская инициация освободит дремлющие смыслы из сакральных чертогов эпоса и позволит раскрыть в новом герменевтическом прочтении сюжетную остроту исторического процесса. Движение в глубь эпических тайн будет концептуально разрастаться в историософский объем герменевтических прочтений евразийского историаала на внешнем контуре и работать на капитализацию долгосрочных программ развития.

При сохранении имеющегося положения вещей отечественная наука в условиях отчуждения от собственных познавательных стратегий будет вяло и уныло плестись вслед за динамичными процессами обновления исторического корпуса знаний в регионе и механически воспроизводить внешние концепты описания мира, так и не определив свое законосообразное место в динамично возводимой архитектуре смыслов и лишив себя возможности стать полноценным субъектом духовного зодчества.

Хайдеггер, развивая с фундаментально-онтологических позиций знаменитый тезис Гердера: «народы – мысли Бога», постулировал, что «Dasein существует через народ по-народному». Исходя из геософского взгляда на мир, следует, что географическое пространство является феноменальным воплощением световой идеи, тем животворящим измерением, откуда в этническое самосознание принудительно вторгается Dasein, насыщает его своими экзистенциальными лучами, зачинает и фундирует народный логос.

Для кыргызов подобной светоносной средой и формообразующей реальностью, где располагался их экзистенциальный регистр, являлся ландшафт евразийских гор. Горы волновали, экзальтировали и захватывали кыргызское воображение на всем богатом пути их исторического развития. **Как только забрезжил свет кыргызского самосознания, близ него высились горы. Величавость горных вершин** являлась предметом изустных импровизаций и эталоном эстетических представлений акынов. Сакральная энергетика горных сред консервировала древние предания и открывала путь

для получения сверхчувственных знаний. Физическая неприступность гор становилась местом пристанища в смутные времена, а их магнетическая сила прокладывала кочевые маршруты для кыргызов в драматические периоды суровых миграций. И главное – евразийские горы поддерживали этнокультурную связь времен и наполняли экзистенциальный горизонт кыргызов немеркнущим провиденциальным светом.

В многовековом духовном наследии кыргызов нет ни одного значимого мыслителя, чей познавательный горизонт не окормлялся бы духовным магнетизмом гор. Арстанбек Буйлаш уулу видел в горах символ нерушимых знаний, эталонный эстетический рубеж, до которого силится подняться его мысль. Горы в понимании акына – высшая пространственная точка в его гносеологической перспективе. Мысль заманиста стремилась уподобиться горам, пройти вертикальный маршрут к небесам и прорваться к предельным семантическим значениям³.

Калыгул Бай уулу в символических метаморфозах горных сред усматривал неотвратимый приход последних времен. В эпоху скорби этнокультурное измерение кыргызов будет вывернуто наизнанку, привычный мир погрузится в парадоксальное зазеркалье, космическая среда облачится в несвойственные ей декорации. Разрушительный вихрь перемен захлестнет все космологические сферы мироздания, все будет принудительно втянуто в пучину абсурда⁴.

Для консервативного гуманиста Чынгыза Айтматова в горах сходятся все духовные горизонты, раскрывается содержание вселенской жизни и открывается тайная летопись мира. В скальных породах гор схвачен образ человеческого бессмертия и запечатлена идея всечеловеческого братства. В горах снисходит божественное слово в человеческие сердца и прогоняет холод отчуждения из мира. «Слово выпасает Бога на небесах, Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной, и нет в мире силы, превосходящей силу Слова, и нет в мире пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова».

³Тоо-тоонун башы кыр болот, Толгонун айтсам ыр болот, Оо дүйнө кетер окшодум, Менин толтурчу ордум ким болот? Толгон тоонун закымы, Торгой куштун акыны.

⁴Оройлоруң баатыр болду, Орус алмак биздерди, От чыкпай жериң такыр болду, Тоо токол болор, Токол байбиче болор, Уй пул болор, Кул бий болор.

В последнем слове, сказанном о горах в романе «Когда падают горы (Вечная невеста)», Айтматов приходит к пониманию, что в горах покоится всеисцеляющая стихия вечной женственности, изъятая из растлевающего потока динамично меняющегося мира и вековечно хранящая ключи к преображению человека. В сердцах самоотверженно любящих людей раскрывается софийная природа всечеловечности, способная уберечь человечество от духовного растрепывания, а горы от падения. В неумолчном же зове вечной невесты угадывается образ той вдохновляющей музыки, которая неотступно сопровождала Айтматова на всех экзистенциальных виражах его жизненного пути и опаляла его жреческую душу жаром слова.

Горы, согласно самым острым прозрениям кыргызских философов, являлись предельным пространственным рубежом в осмыслении мира, чутким космическим регистром временных изменений и хранителем софийных ключей к преображению мира. В горах сходятся все смысловые грани мира, примиряются все сюжетные изводы истории, смыкаются в просветленном единстве человеческие судьбы, и с горами неразрывно связана духовная судьба кыргызов.

Исходя из геософского и идейного анализа кыргызского наследия, сделанного в настоящем исследовании, можно заключить следующее: быть кыргызом – значит быть воплощенным бытием гор, значит позволить горам состояться, сбывшись в человеке, а это значит войти в сопряжение со своим Dasein'ом, сблизиться со своими экзистенциальными истоками, победить мертвящую стихию отчуждения от измерения первозданной фактичности.

Бытие-в-горах означает вступить в режим подлинного существования, пережить катарсис вечности, уловить животворящее дыхание бездны в своей душе и раскрыть символизм жречества в своей судьбе. Позволить символизму гор свершиться в кыргызской судьбе – это значит войти в многовековой этнокультурный историал, овладеть ключами к космоцентричному преображению мира,

влиться в поток больших повествований и иметь духовное дерзновение переступить через горизонт – вступить в контемплативную область вековых истин.

Понятие «кыргыз» всегда существовало в режиме идеонима, что явилось ключевым социокультурным механизмом в сохранении временной связности, примордиальных преданий, высоких форматов жречества и духовного самосознания в гетерогенном пространстве горных сред Евразии. Поэтому идеоним «кыргыз» не может сводиться ни к одному из этнокультурных элементов или к их обобщенному выражению, которые все в ходе двухтысячелетнего исторического цикла модифицировались, видоизменялись до неузнаваемости либо вовсе стирались из социокультурного измерения, при этом не прерывая сюжетно-историческую преемственность в развитии кыргызского народа.

Также этот древний идеоним не может быть монополизирован просветительским кругом идей и истолкован исходя из уровня приобщения к общемировым трендам или глубиной инновационных трансформаций в социокультурном измерении кыргызского общества.

Два этих семантических издания, вырастающих из одного примордиального корня, образуют ключевой диалектический контрапункт в народном самосознании, составляют важный герменевтический объем прочтений этнокультурного наследия кыргызов, но не исчерпывают экзистенциальный горизонт идеонима «кыргыз».

На наш взгляд, кыргызом является тот, кто воплотил в себе символизм гор, вообрал в себя преобразующее дыхание космической среды, следует своему жреческому призванию мыслью, словом и действием. Каждый человек, ощущающий в себе софийный позыв к преображению мира, вступает в экзистенциально насыщенную территорию провиденциальных программ и органично встраивается в семантику больших евразийских повествований. Идеоним «кыргыз» дублирует инклюзивную программу Тянь-Шаньских гор и переводит сакральную энергетику космоцентричной среды в режим жреческого должествования.

Литература:

1. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. Наречие дикокаменных киргизов / В.В. Радлов. – СПб., 1885.
2. Ахмет Заки Валиди-Тоган. Введение во всеобщую историю тюрков / Ахмет Заки Валиди-Тоган. – Стамбул, 1946.
3. Кононов А.Н. Еще раз об этнониме «кыргыз» / А.Н. Кононов // Тюркологические исследования. – Фрунзе, 1970.

4. *Шабалов А.С.* Племена, народы и государства Центральной Азии в древности / А.С. Шабалов. – Иркутск, 2020.
5. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:14865/?from=kghistory&place=-search&sth=3fa07817fa64dda8826741fbdf488f6e (дата обращения: 05.02.2025).
6. *Дугин А.Г.* Мистерии Евразии / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 1996.
7. *Айтматов Ч.Т.* Когда падают горы / Ч.Т. Айтматов. – М.: Синергия; Московские учебники, 2007.